

Зиновьев Игорь Петрович,
декан юридического факультета
Федерального государственного
автономного образовательного учреждения
высшего образования
«Южный федеральный университет»,
доцент, кандидат юридических наук,
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88,
email: ipzinovev@sfnedu.ru

Zinoviev, Igor P.,
Dean of the Law Faculty,
Southern Federal University,
Associate Professor,
PhD in Law,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: ipzinovev@sfnedu.ru

Тихонов Владимир Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры гражданского и предпринимательского
права, Южно-Российский институт
управления – филиал РАНХиГС, 344002,
г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 70/54;
доцент кафедры гражданского права,
юридический факультет, Федеральное
государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южный федеральный университет»,
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88,
email: tiho13@rambler.ru

Tikhonov, Vladimir V.,
PhD in Law, Associate Professor, Associate
Professor at the Department of Civil and Business
Law, South-Russian Institute of Management
of Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
70/54 Pushkinskaya Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation;
Associate Professor at the Department of Civil
Law, Law Faculty, Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: tiho13@rambler.ru

К ВОПРОСУ О СУДЬБЕ ЗАЛОГА ПРИ ОБРАЩЕНИИ В ДОХОД ГОСУДАРСТВА ИМУЩЕСТВА, ПОЛУЧЕННОГО В РЕЗУЛЬТАТЕ НАРУШЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ

ON THE ISSUE OF THE FATE OF COLLATERAL WHEN APPLYING TO THE STATE INCOME OF PROPERTY OBTAINED AS A RESULT OF VIOLATIONS OF ANTI-CORRUPTION LEGISLATION

АННОТАЦИЯ. В работе анализируются правовые последствия реализации нормы подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ в отношении имущества, обремененного залогом. Авторы приводят сформированные как в судебной практике, так и правовой доктрине позиции «за» и «против» сохранения/прекращения залога имущества, полученного в результате нарушения законодательства о противодействии коррупции и подлежащего обращению в доход Российской Федерации. Также в работе авторы моделируют возможные изменения отечественного «злогового» законодательства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: публичный интерес, частный интерес, государство, банк, предпринимательский риск, кредитор, коррупция, добросовестность

ABSTRACT. The paper analyzes the legal consequences of the implementation of the rule of sub-clause 8, clause 2, Article 235 of the Civil Code of the Russian Federation in relation to property encumbered by collateral. The authors cite the positions formed both in judicial practice and legal doctrine “for” and “against” the preservation/termination of the pledge of property obtained as a result of violations of anti-corruption legislation and subject to conversion to the income of the Russian Federation. The authors also model possible changes in the domestic “collateral” legislation.

KEYWORDS: public interest, private interest, government, bank, entrepreneurial risk, creditor, corruption, good faith

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Зиновьев, И. П. К вопросу о судьбе залога при обращении в доход государства имущества, полученного в результате нарушения законодательства о противодействии коррупции / И. П. Зиновьев, В. В. Тихонов. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 1. – С. 52–57. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-8

FOR CITATION:

Zinoviev, I. P., Tikhonov, V. V. (2025) On the Issue of the Fate of Collateral When Applying to the State Income of Property Obtained as a Result of Violations of Anti-Corruption Legislation. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 12(1): 52-57 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-8

С введением в отечественное гражданское законодательство нормы, предусматривающей принудительное изъятие у собственника на основании решения суда в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законных основаниях (подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ), возник ряд проблемных вопросов сопряженных с практической реализацией данной нормы [1, 2, 3, 4, 6, 10]. Одним из них стал вопрос о правовой судьбе залогового права (залога), обременяющего изъятое (или только подлежащее изъятию) имущество.

Вполне ожидаемо в судебной практике появились примеры удовлетворения исков прокуратуры о прекращении залоговых прав в отношении имущества, обращаемого в доход государства на основании подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ. Мотивируя свои акты, суды указывали, что данная норма не является санкцией или мерой наказания, а реализуется как юридическое и фактическое следствие отсутствия у должностного лица законных оснований для обладания изымаемым имуществом. Поскольку судами было установлено отсутствие законных оснований для возникновения права собственности на данное имущество, то и право залога, по их мнению, не возникло (См. напр.: решение Троицкого районного суда г. Москвы от 24.12.2020 по делу № 02-2126/2020). В научной литературе обозначался и другой подход, обосновывающий позицию прокуратуры, в соответствии с которым норма подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ является особой мерой ответственности за коррупционные правонарушения [11], направленной не просто на лишение собственности должностного лица, но и на обращение изымаемого имущества в доход Российской Федерации. Следовательно, в определенном смысле можно допустить, что прекращение за-

лога в отношении имущества, изымаемого на основании подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ, является средством изъятия такого имущества из гражданско-правового и хозяйственного оборота именно в доход государства.

Была сформулирована и прямо противоположная точка зрения. Представляется, что наиболее полная и качественная ее аргументация была приведена в статье К. И. Скловского, посвященной исследованию отдельных проблем применения законодательства об обращении в доход государства имущества, полученного в результате нарушения законодательства о противодействии коррупции [10]. Автор указанной статьи полагает, что в этом случае залог сохраняется в полном объеме, и приводит следующие аргументы. Во-первых, «...вопрос определенно решен законом уже тем, что изъятие имущества в порядке подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ не предусмотрено в качестве основания прекращения залога». Во-вторых, «...меры по обращению имущества в доход государства, предусмотренные гражданским законом для случаев, когда правонарушение не установлено, а лишь предполагается...» (подп. 8 п. 2 ст. 235), не могут «...иметь более широкое действие, чем меры, предусмотренные уголовным (административным) законом для случаев конфискации, когда преступление (правонарушение) установлено актом суда или иного компетентного органа». Иными словами, если залог в силу прямого указания закона (ст. 353 ГК РФ, ч. 2 ст. 41 Федерального закона от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке») сохраняется при конфискации, то он должен сохраняться и при изъятии имущества на основании подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ. Кроме того, по мнению этого автора, при разрешении таких споров не должна приниматься во внимание даже добросовестность залогодержателя (его неосведомленность о том, что заложное имущество получено так или иначе в результате коррупции), так как это

не соответствует закону, но прежде всего потому, что «ситуация, когда судьба залоговых прав ставится в зависимость от усмотрения прокурора и суда о добросовестности банка, в полной мере создаст именно тот самый замораживающий эффект, который и приведет к коллапсу кредитного рынка». Более того, иной подход, «...вступает в противоречие с основами того правопорядка, который сложился в современном российском обществе...» и «повлечет подрыв экономической основы существования государства и общества».

Итог в этом споре (как представляется, все же промежуточный) подвела Судебная коллегия Верховного Суда РФ (далее также – Судебная коллегия), которая в своем определении от 12.03.2024 по делу № 4-КГ23-95К1 поддержала позицию, артикулированную К. И. Скловским, использовав фактически ту же аргументацию. Справедливости ради следует отметить, что Судебная коллегия не была столь же категорична и, во-первых, отметила как существенное (это важно) то обстоятельство, что недобросовестность залогодержателя при заключении договора, обеспеченного залогом, и договора залога судами первой и апелляционной инстанций не установлена, во-вторых, окончательного решения не вынесла, а отменив в соответствующей части постановления нижестоящих судов, направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Обращает на себя внимание то, что позиция Судебной коллегии строится прежде всего на сопоставлении изъятия имущества в порядке подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ с конфискацией. В то же время введение данной «антикоррупционной» нормы в отечественное законодательство, пожалуй, имеет собственные мотивы и природу, ибо в противном случае законодатель мог бы внести соответствующие изменения (дополнения) в уже имеющийся в отечественной юрисдикции институт «конфискация».

Между тем, этот далеко не только теоретический спор, получивший, как представляется, наилучшее с позиции *de lege lata* разрешение, обнаружил проблему, которая, по мнению авторов, подлежит внимательному изучению и окончательному решению с позиции *de lege ferenda*.

Так, в одном из последних своих постановлений Конституционный Суд РФ отметил:

«Поскольку именно незаконное обогащение является конечной целью совершения деяния коррупционной направленности, государство обязано принимать такие меры, которые любую попытку достигнуть подобной цели делали бы бессмысленной и бесперспективной. Это согласуется с общими направлениями и принципами государственной антикоррупционной политики, включая перечисленные в ст. 3 Федерального закона “О противодействии коррупции” принципы неотвратимости ответственности за совершение противоправных деяний коррупционной направленности, комплексного использования политических, организационных, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер, а также приоритетного применения мер по предупреждению коррупции. Иное способствовало бы коррупционному обогащению, легализации имущества, полученного в результате коррупционных деяний, в том числе путем преобразования его (доходов от него) в иное имущество, допускало бы беспрепятственный оборот такого имущества, не ставя тем самым надлежащих преград коррупционному поведению» (Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П).

В то же время гарантированное и безусловное сохранение прав залогодержателя на имущество, обращенное в доход государства на основании подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ, как раз и может создать благоприятные условия для обхода антикоррупционных мер. Обременение залогом имущества, в отношении которого существует и не опровергнута презумпция его коррупционного происхождения, не должно превращаться в «индულгенцию» для любого, в том числе недобросовестного, залогодержателя, освобождающую это имущество от любых притязаний государства.

Ввиду изложенного следует признать необходимость корректировки действующего законодательства о залоге, с целью минимизации рисков использования некоторых его положений для обхода антикоррупционных мер и легализации доходов, полученных преступным путем. При этом возможность прекращения залога имущества в случае его изъятия на основании подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ также не должна быть безусловной и допускаться лишь в случаях, прямо установленных законом.

Очевидно, что в первую очередь эти изменения должны коснуться профессиональных участников рынка услуг по кредитованию – кредитные организации (в дальнейшем именуемые – банки). Хотя это утверждение, как представляется, не нуждается в специальном обосновании, об этом свидетельствует и то обстоятельство, что практически все известные нам случаи из правоприменительной практики, вызвавшие к жизни обсуждаемую дискуссию, связаны с тем, что тот или иной кредитный договор и обеспечивающий его договор залога с банком заключались (по мнению правоохранительных органов) заемщиком с единственной целью – конвертировать имеющее коррупционное происхождение имущество в деньги для их вывода или легализации, в том числе путем имитации законности источника получаемых доходов. При этом условия этих договоров, экономическое обоснование и порядок их заключения далеко не всегда укладывались в стандарты обычной банковской практики.

Вместе с тем представляется, что такая законодательная инициатива требует дополнительного обоснования с позиции ее соответствия принципам, заложенным в основу действующего правового регулирования.

В рассматриваемом случае налицо подлежащая разрешению конкуренция интересов. С одной стороны – имущественный интерес банка (залогодержателя), выдавшего кредит под обеспечение залогом имущества с целью получения преимущества при удовлетворении своих требований из его стоимости. С другой стороны – публичный интерес Российской Федерации, в доход которой подлежит обращению имущество, имеющее коррупционное происхождение. Последний, к слову, имеет характер как имущественный (компенсация имущественного ущерба, нанесенного коррупционными правонарушениями), так и немущественный (обеспечение экономической безопасности государства, социальной справедливости, недопустимости получения выгоды от противоправного поведения, профилактика коррупционных правонарушений и пр.).

Представляется, что законодательное решение этого вопроса должно опираться на правовые категории добросовестности и предпринимательского риска. Так, в соответствии с п. 3 ст. 1 ГК РФ, закрепляющей основные начала

гражданского законодательства, «при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно». Более того, в силу п. 4 этой же статьи «никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения».

В общем виде, в качестве добросовестного принято принимать поведение, ожидаемое от любого законопослушного участника гражданского оборота (см., например, п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

При этом, как справедливо отмечает Конституционный суд РФ, «специфика норм о добросовестности состоит в том, что фактические обстоятельства, при которых эти нормы должны применяться, и правовые последствия, возникающие при их применении, не определяются в законе *a priori*, а признаки (критерии) добросовестности выводятся из обстоятельств конкретного дела, причем добросовестность оценивается как в контексте условий договора, отличающихся от условий, предусмотренных законом, так и в контексте поведения сторон» (Постановление Конституционного Суда РФ от 02.06.2022 № 23-П).

В свою очередь банки, являясь профессиональными участниками рынка финансовых услуг, профессиональными кредиторами и залогодержателями, обладают соответствующими компетенциями, опытом и подготовленным персоналом. Следовательно, в качестве обязательного критерия добросовестности их поведения при выдаче кредитов и заключении договоров залога может и должна рассматриваться *должная степень разумности и осмотрительности в выборе контрагента, оценке его мотивов и целей при заключении договора залога, реальности гарантий возврата кредита, имущественного положения заемщика, а также в исследовании вопросов правомерности приобретения им (контрагентом) прав на предмет залога с учетом рисков его возможного коррупционного происхождения.*

Не следует забывать и о том, что в соответствии с Федеральным законом от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации

(отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» на банки, как субъекты первичного финансового мониторинга, возложены совершенно конкретные обязанности, в том числе по идентификации клиентов, выгодоприобретателей, бенефициарных владельцев клиентов, по определению характера их деловых отношений, целей финансово-хозяйственной деятельности, финансового положения, деловой репутации и пр. (см., например, ст. 7 указанного закона).

При оценке добросовестности поведения банка следует также учитывать, что действующее законодательство (ст. 2 ГК РФ) и сложившаяся судебная практика исходят из того, что:

– предпринимательская деятельность может быть сопряжена с рисками (в том числе и неполучения ожидаемого дохода), требующими проявления разумной осмотрительности при выборе контрагента и вступлении в гражданские правоотношения (Определение Конституционного Суда РФ от 14.12.2021 № 2645-О);

– при выборе контрагента субъекты предпринимательской деятельности, как правило, оценивают не только условия сделки и их коммерческую привлекательность, но и деловую репутацию, платежеспособность контрагента, риск неисполнения обязательств и предоставление обеспечения их исполнения, наличие у контрагента необходимых ресурсов (производственных мощностей, технологического оборудования, квалифицированного персонала) и соответствующего опыта; а при совершении значимых сделок, например по поводу дорогостоящих объектов недвижимости, изучают историю взаимоотношений предшествующих собственников и принимают тому подобные меры («Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2020)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2020)).

Таким образом, именно банки как субъекты, осуществляющие предпринимательскую деятельность, должны нести соответствующие риски выбора контрагента и предмета залога и как следствие – риски утраты залога в отношении имущества, изымаемого в доход Российской Федерации на основании подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ (при условии внесения, конечно, соответствующих изменений в действующее законодательство). Иное будет означать фактическое перенесение соответствующих рисков

из имущественной сферы банка-предпринимателя в публичную имущественную сферу.

Отвечая на аргументы о том, что подобный подход в итоге экономически не целесообразен и даже может повлечь обвал кредитного рынка, а вслед за ним и гражданского оборота в целом [10], следует иметь в виду, что, во-первых, последствия создания гарантированных «лазеек» для коррупционного поведения могут привести (и приведут) к куда более тяжелым последствиям для национальной экономики и экономической безопасности государства (об этом так много написано и сказано, что считаем возможным отставить этот тезис без дополнительных пояснений) [5, 8, 9]. Во-вторых, с учетом уже имеющегося регулирования и возложенных на банки обязанностей в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, предлагаемые изменения вряд ли станут «откровением» для добросовестных банков и приведут к кардинальному изменению их кредитной политики. Напротив, эти изменения станут лишь логичным дополнением уже существующего нормативного регулирования.

Исходя из вышеизложенных соображений, в рассматриваемом нами случае приоритет в правовой защите должен отдаваться не частному (имущественному) интересу банка, чьи действия как залогодержателя квалифицированы как недобросовестные, а публичному интересу Российской Федерации. Как было показано выше, это вполне согласуется с основами национального правопорядка, а значит, вопросы необходимости и возможности его применения лежат не в доктринально-юридической, а политико-правовой плоскости.

В случае принятия такого подхода законодателем соответствующие изменения должны быть внесены как в общие положения о залоге в ст. ст. 352 и 353 ГК РФ, так и соответствующие нормы Федерального закона от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке» (ч. 2 ст. 41).

Кроме того, должна быть решена проблема защиты публичного интереса и в случаях, когда имущество, подлежащее обращению в доход Российской Федерации в соответствии с подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ и ставшее предметом залога в результате недобросовестных действий, будет уже реализовано после обращения

на него взыскания банком-залогодержателем. Полагаем, что в этом случае источником удовлетворения публичного интереса могут стать денежные средства, вырученные действовавшим недобросовестно банком от реализации предмета залога.

Список использованных источников

1. Багаутдинов Ф. Н. Контроль за соответствием расходов государственных служащих их доходам: вопросы совершенствования законодательства и практики применения // *Законность*. 2023. № 6. С. 24–31.
2. Бочкарев С. А. Субъекты гражданско-правовой ответственности за коррупцию // *Законность*. 2021. № 3. С. 3–8.
3. Закалюжный Р. С., Закалюжная А. Р. Актуальные проблемы применения Федерального закона № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» (на примере конкретного дела) // *Вестник исполнительного производства*. 2019. № 2. С. 33–37.
4. Илюшина М. Н. Гражданско-правовые элементы механизма контроля за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам // *Гражданское право*. 2019. № 6. С. 3–7.
5. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // *Собрание законодательства РФ*. 26.06.2006. № 26. Ст. 2780.
6. Конева Д. В. Трансграничное исполнение решений российских судов об обращении в доход Российской Федерации недвижимого имущества, находящегося на территории иностранного государства // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2024. № 8. С. 29–32.
7. Максименко А. А., Дейнека О. С., Крылова Д. В., Духанова Л. Н. Отношение россиян к коррупции // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2020. Т. 13. Вып. 4. С. 407–428.
8. Окутина Н. Н. Коррупция как угроза безопасности современного общества и государства // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2022. № 10. С. 20–23.
9. Решняк М. Г. Коррупционные преступления: взгляд через призму социальных последствий в сфере осуществления прав и свобод человека и гражданина // *Безопасность бизнеса*. 2022. № 1. С. 56–64.
10. Скловский К. И. Применение законодательства об обращении в доход государства имущества, полученного в результате нарушения законодательства о противодействии коррупции // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2024. № 11. С. 156–186.
11. Яковенко Е. В. Обращение имущества в доход Российской Федерации как гражданско-правовой ин-

струмент противодействия коррупции: проблемы правоприменения и основные пути их решения // *Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации*. 2024. № 4. С. 45–51.

References

1. Bagautdinov F. N. Control over the compliance of expenses of civil servants with their incomes: issues of improving legislation and application practices. *Legality*. 2023. No. 6. P. 24-31 [in Russ.].
2. Bochkarev S. A. Subjects of civil liability for corruption. *Legality*. 2021. No. 3. P. 3-8 [in Russ.].
3. Zakalyuzhny R. S., Zakalyuzhnaya A. R. Actual problems of the application of Federal Law No. 230-FZ “On control over the compliance of expenses of persons holding public positions and other persons with their incomes” (on the example of a specific case). *Bulletin of Enforcement Proceedings*. 2019. No. 2. P. 33-37 [in Russ.].
4. Ilyushina M. N. Civil law elements of the mechanism for monitoring the compliance of expenses of persons holding public positions and other persons with their incomes. *Civil Law*. 2019. No. 6. P. 3-7 [in Russ.].
5. The United Nations Convention against Corruption (adopted in New York on 31.10.2003 by Resolution 58/4 at the 51st plenary meeting of the 58th session of the UN General Assembly). *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 26.06.2006. No. 26. Art. 2780 [in Russ.].
6. Konev D. V. Cross-border enforcement of decisions of Russian courts on the conversion of immovable property located on the territory of a foreign state to the income of the Russian Federation. *Arbitration and Civil Procedure*. 2024. No. 8. P. 29-32 [in Russ.].
7. Maksimenko A. A., Deineka O. S., Krylova D. V., Dukhanova L. N. The attitude of Russians to corruption. *Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*. 2020. Vol. 13. Issue 4. P. 407-428 [in Russ.].
8. Okutina N. N. Corruption as a threat to the security of modern society and the state. *State power and local self-government*. 2022. No. 10. P. 20-23 [in Russ.].
9. Reshnyak M. G. Corruption crimes: a look through the prism of social consequences in the sphere of human and civil rights and freedoms. *Business security*. 2022. No. 1. P. 56-64 [in Russ.].
10. Sklovskiy K. I. Application of legislation on the conversion of property received as a result of violations of anti-corruption legislation to state income. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2024. No. 11. P. 156-186 [in Russ.].
11. Yakovenko E. V. The conversion of property into income of the Russian Federation as a civil law instrument for combating corruption: problems of law enforcement and the main ways to solve them. *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*. 2024. No. 4. P. 45-51 [in Russ.].